

Я ВСЕГДА ВЗЫВАЮ К АКТИВНОСТИ...

Выступление на встрече с архангельской интеллигенцией

Дорогие товарищи! Я очень рад, что я снова в Архангельске, столице славного Севера... Я думаю, всем присутствующим известно, что Пинега, Пинежье — это моя родина. Оттуда я пришел в большой мир. Ну и, естественно, у меня особое отношение к Северу и особое отношение к Архангельску. Через Архангельск — так случается — я проезжаю каждый год. Как только начинается весна, меня начинает снедать неодолимое в жизни чувство — на Север, на Север, на Север, во что бы то ни стало на свою родную Пинегу. Это удается мне обычно к концу июня или в двадцатых числах июня, иногда позже, в зависимости от того, как складывается жизнь и как ты преодолеваешь суету сует... Приеду на

Пинегу и два месяца живу на Пинеге с редкими выездами. Через Архангельск я проношусь обычно как метеор. Но всегда, обязательно отдаю дань Северной Двине, великой, ни с чем не сравнимой, с красавицей набережной, которую наконец-то обрел наш город. Набережная... Я много побывал по заграничным странам, много повидал, но не часто такую набережную встретишь... Набережная отражает и даже раскрывает масштабы Севера, северного приволья, северную волю, которая обладает такой притягательной силой для всех людей. Потому и в старину сюда тянулись люди, а ныне, как вы знаете, на Север просто паломничество.

И это понятно. Как птица... летит откуда-то с сытного юга — уж чего там, казалось бы, в джунглях, в африканских реках, какой там еды, снеди, какой там жратвы для нее не хватает? Нет! Весна! На Север! С великими трудностями, через моря, гибнет их несметное число... Их стреляют браконьеры и просто охотники... И стужа-то их застает... Летят, летят — неодолимое желание — в страну Севера. Есть, вы знаете, теория, почему летят сюда птицы. Север, северная вода, вода Ледовитого океана на границе таяния льда и превращения его в воду обладает особыми целебными свойствами. И вот Север — очевидно, целебен своими свойствами, своими просторами, своей волей... Есть такое русское понятие «воля», которое неизвестно ни европейцу, ни людям других стран, населяющим наш земной шар. Вот воля, простор, белые ночи, северное сияние, леса... Первозданность! Первобытность! Мы счастливейшие с вами люди. Ездишь вот по этой самой Европе — очень зажиточные страны, очень уделанные, распаханные, раскрашенные! Но едешь день, едешь два, и вдруг чего-то начинает не хватать. Начинает не хватать дикости, первобытности, первозданности! И мы с вами счастливейшие люди, особенно северяне, мы можем ступить на тропку, на тропу, по которой в этом году еще никто не двигался. Больше того, мы еще сегодня в нашей Архангельской области можем зайти, залезть в такие дебри, где никто не бывал. Человек из этого выносит великую биологическую силу. Север обновляет человека!

Я уже не говорю о северной культуре, потому что если говорить честно, то в общем Север, северная земля, поморы, а поморы — это понятие очень широкое, поморы включают жителей, так сказать, от Ладоги и до

Камня, как в старину звали Урал, и от Новгорода, от Великого Господина Новгорода и до Белого моря, и туда, на восток, который осваивали северяне. Так вот, поморы — это удивительный народ! Они выходцы и пришелцы из средней полосы, выходцы из сердца России, выходцы из Киевской Руси, которая пала, как известно, под ударами татаро-монголов... Они принесли сюда всю исконную русскую культуру, идущую от самых истоков. Но мало того, что они принесли, — они обогатили эту культуру новыми качествами. Они эту исконную русскую культуру помножили на особые условия Севера, они, так сказать, выработали тип культуры, тип человека, личности, которая была порождена особыми суровыми условиями Севера и которая необходима была человеку, чтобы выжить в этих условиях.

Север — это заповедная земля нашей национальной культуры. Сказки, былины — все, что изначально создано русским народом, нашими дальними предками, пращурами нашими, все здесь еще до сих пор, даже сегодня, сохранилось в первозданной красоте. Во всяком случае слово, русское, северное, не замутнено еще жаргоном газет, телевидения, радио и прочее и прочее, — все это сохранилось у нас на Севере. Наконец, мы должны всегда помнить, что Север — это та земля, тот край, откуда пришел на Москву великий мужик Ломоносов, наш первый университет, который дал начало всей новой книжной культуре на Руси. Редкий случай! Национальная культура, наука идет от сына мужика! Ну, я не говорю о том, что Север — это, так сказать, вся Сибирь, которой, Ломоносов говорил, произрастать Русь будет и прирастать Русь будет, все землепроходцы — это все дал Север.

Более того, в страшные минуты трагических поворотов русской истории (я имею в виду борьбу с татаро-монголами, я имею в виду время великой смуты), оказывается по последним исследованиям, роль Севера в решающие моменты русской истории неизмерима и до сих пор по-настоящему не изучена... Я почему это все говорю? Ну, просто увидел вас, северян, и появилась здесь, в Архангельске, потребность как-то лишний раз изъясниться и объясниться в любви к родной земле. Были взгляды, что это дикий край и прочее и прочее, что там невежество и так далее. Все это чепуха! Это говорили о Севере люди, которые не знали Север и сами были невежественными в вопросах русской культуры.

Любовь к Северу — это очень хорошо. Сейчас, слава богу, уже не одно, а, наверное, два десятилетия на берегах Северной Двины выстраивается и отстраивается новый город. Это очень сложный вопрос. Сложный вопрос почему? Потому что жить в деревянном старом городе практически невозможно. Но вместе с тем этот старый город имел свое лицо, особое лицо столицы деревянного края, лесного края. И вот я радуюсь вместе с вами, что сегодня архангелогородцы живут в приличных домах, Архангельск бурно разросся. Я бывал во многих домах — очень хорошие квартиры, удобные квартиры, хорошо благоустроенные, одни хуже, другие лучше, есть совсем прекрасные... Я очень рад, что появились новые улицы, магистрали, что в этом городе простор чувствуется Севера. Но, конечно, в связи со строительством нового города возникает много проблем. И прежде всего одна из этих проблем: не уподобится ли Архангельск множеству других городов, у которых нет своего лица?

Что говорить! Коробка... кирпичная коробка или, вернее, даже не кирпичная, а из цемента коробка малогабаритного здания... Тут можно много говорить, почему она возникла. Мы долго не строили ничего. Если вспомнить, как мы жили! Ведь я знаю случаи, когда в десятиметровой комнате жило восемь человек! Невозможно, чтобы разные люди, даже родственники, жили, так сказать, в муравейнике, в одной куче. У нас же вся страна жила. Чужие совершенно люди, без учета того, характеры их притираются друг к другу или нет... Жили! Жили десятилетиями. Это тоже испытание, и тяжелое испытание. И вот сегодня все это позади, позади в Архангельске... Мы рады, что почти у всех, ну, не будем говорить, что у всех, но почти... Люди, сидящие здесь, процентов на семьдесят, наверное, на восемьдесят, но освободились от этих коммунальных квартир. Это великое достижение! Великое, даже величайшее достижение!

Но сегодня возникают вместе с тем, вместе с радостями нашими, и другие проблемы: а как будут выглядеть наши города? Не будет ли повторяться этот тип дома от Прибалтики до Владивостока? Не потеряем ли мы лицо городов? А что значит потерять лицо городов? Потерять лицо дома? Это потерять лицо человека! Так что совсем не безразлично, где и как живут люди! Люди, когда живут в клетушках, в сотах одинаковых, каменных, они теряют многое, и в том числе многое из чело-

веческого духовного богатства. Таким образом, проблема разнообразия городов, проблема лица города, его облика неповторимого — это вместе с тем проблема чисто человеческая, нравственная, духовная, культурная...

Перед Архангельском эта проблема тоже стоит, и очень важно, чтобы Архангельск был и современным городом, со всеми удобствами современного города, со всеми благами цивилизации, но вместе с тем чтобы он не утратил своего лица, которое выработалось здесь веками, чтобы из него не выветрился дух старины. Скажем, для приезжего человека это не имеет в конце концов значения, но людям коренным, северянам, людям, которые возводили, отстраивали эту землю, — это вопрос вопросов! И мне кажется, что, когда речь идет о строительстве города, о памятниках, об улицах, о наименованиях улиц, о культурных центрах, о центрах ансамблей, — к этим ко всем вопросам должна быть подключена вся общественность города. Нельзя допустить, чтобы эти вопросы решал только небольшой коллектив, маленькая кучка людей. Эти вопросы должны широко дебатироваться, обсуждаться на страницах нашей прессы, потому что построить новый город по-настоящему, с учетом и всего нового, что несет сегодня с собой градостроительная культура, и с учетом традиций, — это может быть решено, если хотите, общественностью, коллективом, всеми вместе.

Поэтому тут встает вопрос о гражданской позиции каждого жителя города. И я должен сказать, к великому сожалению, что нам как раз не всегда хватает должной активности, гражданской активности! Мы часто забываем о своих гражданских обязанностях. Мы переживаем, я бы сказал, какую-то полосу равнодушия и часто безразличия... Здесь собралась интеллигенция: работники театра, вероятно есть и те же архитекторы, учителя, преподаватели... Решение этой задачи — дело всех нас. И, может быть, это дело первостепенной важности. Во всяком случае, мне бы хотелось, чтобы в новом Архангельске сохранился дух наших предков. Чтобы, во-первых, не ушла из этого города великая культура северных корабелов со всем их бытом, со всеми их поверьями, со всем их особым миром. Затем, чтобы в этом каменном доме, в этом каменном городе, новом городе, нашла себе пристанище старинная сказка, былина, песня. Как она будетувековечена, я не знаю. Но чтобы человек, приезжая сюда, в столицу Севера, откуда-

то из южных краев — или иностранец, — вступал бы на берег и сразу ощущал: он в царстве Севера! Он в столице русского Севера! Это очень важно.

Мне бы хотелось, чтобы в нашем городе все знали и все помнили наших больших писателей. Писахова, который является одним из великих сказочников мира. Он у нас вырос, на Севере. Повторяю, один из великих сказочников Севера. Ну, Андерсена, боже мой, с детских лет знаем. А то, что у нас в России есть сказочник непомерной моси и фантазии, которая и не снилась Андерсену, — этим, конечно, я отнюдь не хочу принижать Андерсена, Андерсен — великий сказочник... Назовите в Москве, Ленинграде или еще где Писахова — пожмут плечами. Почему мы так обращаемся со своими сокровищами?

Или, например, северный писатель, тоже взращенный Архангельском, вскормленный, вспоенный Архангельском, — Борис Шергин, Борис Викторович Шергин. Это же неповторимое чудо! По языку, по общему настрою, по любви, по милосердию, по жалости в самом хорошем понимании этого слова, по сердечности, по чистоте... с кем его можно сравнить? И вот этот безногий старик жил в Москве, в подвале. И кто знал? Многие ли знали, что там живет великий словотворец? К сожалению, нет.

С другой стороны, я не могу не сказать... Вот Гайдар. Вообще мы знаем Гайдара, великолепный писатель, детский писатель. Но я раскрываю какой-то справочник или буклеть, и там дана суммарная характеристика Архангельска: культурный центр... Петр Первый приезжал столько-то... совершилась Октябрьская революция... и в двадцать втором году Архангельск посетил Гайдар. Разве можно Гайдара, какой бы он ни был писатель, ставить в этот ряд? Надо быть аккуратнее! Гайдар жил год, и по сему случаю проводятся юбилеи, фестивали, праздники, пишутся книги. Ну ладно, пишите! Но не забывайте, что у вас тут жили богатыри слова: Шергин! Писахов!

Или, скажем, новый Архангельск. Север, страна былин, край былин. Хочется, чтобы человек сразу же ощутил в этом новом, пусть каменном, городе дух сказки, дух сказочной, песенной, былинной старины! А как будет с великой, не имеющей себе равных исполнительницей былин, великим художником, моей землячкой, пинежанкой Марией Дмитриевной Кривополеновой — ее за крошечный рост называли «Махонькой»? Это старушон-

ка, которая всю жизнь побиралась; правда, она была в Москве, и Москву покорила эта самая старушонка, кусочки которой собирала всюду. Но ведь это же действительно феноменальное явление. Феноменальное явление! Где памятник будет этой старушонке в Архангельске? Где, как будет мир ее отражен? Или Марфа Крюкова, тоже крупнейшая сказительница... Да много, много всего... Как в новом городе, в городе с великолепными плавательными бассейнами, спортивными дворцами, где в хоккей играют, — как будет уживаться со всеми этими дворцами наша старина? Этот вопрос очень серьезный.

Я почему говорю сегодня об этом? Не ради праздничного суесловия. А потому, что этот вопрос надо решать общими усилиями. Мы всегда полагаем, что все должно решить начальство. Уж так на Руси повелось, что еще некрасовская Ненила ждала барина: «вот приедет барин, барин нас рассудит». Все в расчете на то, когда спустят команду, когда дадут указание... Все ждут команды... А вы, дорогие товарищи, где сами? Благоустраивать деревню, мостки проложить, дорогу починить, изловить лишних собак, которых развелось невесть сколько... Почему этих собак изловить — и то нужна директива откуда-то из района, из области?

Надо быть хозяевами своего дома и в своем доме! Вот это, между прочим, у нас беда. Постоянно встречаемся с такими противоречиями. С одной стороны, — в деревне это особенно резко бросается в глаза, да и в городе то же, та же психология, — вылизан, зализан, отстроен свой домик, свой огород, все раскрашено и вывеска: «Дом отличного, образцового состояния». А за десять шагов от этого образцового дома делается черт знает что: ничейная территория, тут бродят по колено зимой в снегу, летом в песке, дышат пылью. Надо бы всего ничего: привезти гравия, засыпать. Нет, не могут собраться и договориться, потому что нету директивы, начальство, так сказать, не распорядилось. Вот, товарищи, конечно, надо требовать, надо предъявлять требования к руководству. Это непременно. Это входит в гражданский долг, в обязанность. Но вместе с тем надо и самим не быть лежачей колодой, под лежач камень вода не побежит.

Вот, скажем, одно село бы себя благоустроило, второе село себя благоустроило — улицу, мостки, домишкы подправило, которые совсем скособочило, и так далее. Время? Сколько угодно. Ведь иногда с утра и день и

ночь — и сил хватает — сидят за бутылкой. А вот подвигнуться на это ради себя, ради детей, ради того, чтобы была жизнь краше, — у нас часто не хватает сил. Это опять-таки упирается все в нашу собственную инициативу. И, конечно, раскачивать эту инициативу в народе, накалять, раскалять этот камень — я прошу прощения, может быть, я слишком резко говорю — это должна интеллигенция. Это должны прежде всего делать мы с вами — писатели, преподаватели, театральные работники, артисты и так далее и так далее. Это святая обязанность интеллигенции, которая была всегда в традициях России! Той интеллигенции, которой на Западе не существует. Я, наверное, не сделаю никакого открытия, потому что на Западе... нету слова «интеллигент». Там до сих пор затрудняются, как перевести русское не-русское слово (потому что это не русское слово, но это русское понятие) на свой язык. Человек с высшим образованием? Нет. С высшим образованием — это еще не интеллигент, потому что интеллигентом может быть и неграмотный человек. И в крестьянстве раньше, особенно в темной деревне, была своя духовная крестьянская аристократия, свои интеллигенты. Интеллигенция, короче говоря, — люди с обостренным чувством общественной заботы, с обостренным чувством коллективизма, с обостренной совестью, с желанием самым добрым, самым хорошим образом устроить общие дела, а потом свои.

Я хотел сказать, что я устал сегодня за день и ничего не смогу сказать, а уже наговорил вам с три короба. Ладно. Хватит. Я могу на эту тему говорить сколько угодно. Давайте закончим. Я только подведу черту. Язываю к вашей инициативе, я вездезываю к инициативе, к активности, к тому, чтобы человек был человеком! Везде! Если существует писатель Абрамов и если коротко сказать, к чему он взвывает, о чем он хлопочет, чего он хочет, — одного хочу: чтобы человек был человеком!

На эту тему я с вами поговорил, а сейчас прошу вопросы, если есть...

— Федор Александрович, будьте любезны, ваши впечатления о последнем писательском съезде, хотя бы очень коротко.

— Мне трудно говорить, потому что я один из тех, кто выступал на этом съезде, и это уже осложняет мою задачу..., Это обычный съезд. Много было, так сказать,

необязательных, примелькавшихся выступлений... Но были дельные выступления, и это уже хорошо... Там были и хорошие выступления, и уже это спасает положение, потому что и в литературе, как и в искусстве, все хорошее наперечет! И недаром сказано, что талант — это редкость. И хорошее выступление, яркое выступление, и яркая книга, и яркий спектакль, и яркий человек — это тоже в общем-то редкость... Но съезд принес удовлетворение многим товарищам. Почему? Чем хороши эти съезды? Ведь писательские съезды России, республиканские, всесоюзные, они происходят раз в четыре, пять, шесть лет. И самое главное, как мне кажется, что на эти съезды, на эти большие хуралы, на великие эти собрания съезжаются люди, товарищи по цеху. И во-первых, они лицезреют друг друга — пять лет или шесть не видались, а некоторые вообще не встречались, читать читали, но не доводилось видеть, а посмотреть писателя живого — это не только хочется читателю, по это хочется и писателям. Поэтому встречи, взаимообмены, споры, разговоры, хождения по кулуарам под руку, не под руку — все это очень важно, все это дает какой-то заряд, потому что писателю, как и всякому человеку творческому, нужно общение, нужна духовная среда. Когда встречаешь и видишь столько людей, это тебя возбуждает, ты принимаешь, как бы сказать, китайскую иглотерапию. Тебя туда укулют, туда, сюда, в тебе разыгрывается и честолюбие. Кстати сказать, очень неплохая вещь. Человек без честолюбия ничего не достигает, поэтому не бойтесь и не стыдитесь, если у человека есть честолюбие или даже желание сделать карьеру. У нас страшно: карьера — это бог знает что. Ничего предосудительного нет, если это желание найти место, чтобы использовать должным образом, наиболее полным образом свои способности, найти наиболее полное применение своим способностям. В таком смысле сделать карьеру — это очень неплохо! Очень неплохо вообще поработать в полную меру своих сил!

В общем, съезд — это хорошо, это добро. Мы встретились, мы поговорили, многие заново подружились, многие выяснили недоразумения и распри, которые разделяли их друг с другом. Творческие работники — люди с очень обостренным самолюбием, люди, которым присуще и чувство зависти, и ревности, и, так сказать, ущемления собственного «я», и самовитости, гипертрофии собственного «я», и прочее и прочее. Это сложный народ...

И вот, когда встречаются и когда поговорят, выяснят недоразумения, когда друг в друге найдут союзников вдруг — это все прекрасно. Так что я очень положительно отношусь к съездам, как, вероятно, и другие товарищи. Только хочу сказать, не думайте, что это нечто сверхъестественное. Нет, много обыденного, обычного, но бывают вспышки, бывают озарения. Ну, а если молнии бывают, то тогда это вообще счастье!

— Как вы относитесь к творчеству Ольги Фокиной и Николая Журавлева?

— Ольгу Фокину я очень люблю. Я считаю, что из женщин, пишущих на русском языке, можно сказать, это самая талантливая поэтесса. Она, во-первых, очень близка к жизни, у нее всегда в стихах не выдумка, не буквы, не слова — стихи порождены самой жизнью, там всегда что-то географическое, всегда что-то деревенское, что-то российское, что-то периферийное, то есть то, что она хорошо знает, с чем она родилась на свет, и чем она живет, и к чему она приобщается. То есть, она живет в Вологде, в городе, но она к этому приобщается у себя на родине, в Верхней Тойме. Очень талантливая поэтесса, я очень ее люблю. Конечно, как у всякого поэта, у нее есть стихи лучше, есть стихи хуже, — это неизбежно. Но у нее есть совершенно свежие, совершенно прелестные стихи, которые пленяют, очаровывают тебя искренностью, чистотой и непосредственностью чувств. И, наконец, далеко не каждый поэт и писатель может похвастать, что у него есть свой язык. У Ольги Фокиной есть свой язык, по которому ее можно отличить от других поэтов. И это очень хорошо. Я очень люблю Ольгу Фокину. И когда я встречаюсь с ней, когда она в Гитер приезжает, иногда я в Вологду закатываюсь, где она живет, иногда мы встречаемся на съезде, для меня одна из радостей — это видеть Ольгу Фокину, посидеть с ней рядом и, если придется, побывать вместе. А вообще ее работы все полностью я читаю, я очень внимательно ее читаю...

Николая Журавлева, как ни странно, я хуже знаю как поэта и как писателя. Вот прозаические вещи его у меня сейчас на столе, которые я должен читать... Но я читал некоторые его стихотворения, и на меня они произвели хорошее впечатление. Скажем, такое стихотворение, как стихотворение на страницах «Правды Севера», посвященное партии, очень сложно написать... Просто как-то по-новому, и найдены свои слова на эту,

казалось бы, очень сложную тему. Потом я читал его цикл зарубежный, читал северные стихотворения. Мне нравятся эти стихотворения, у него есть напор, у него есть энергия, в стихах у него есть динамика, и он всегда знает, что хочет сказать.

Из поэтов я еще знаю — здесь, среди архангелогородцев, Ледков живет, ненец. К сожалению, я в переводах его читаю... У Ледкова Василия есть какая-то непосредственность, потом такое видение... поймите меня только правильно... это как Пироцкани... как художник из ненцев Панков. Великолепный, удивительный Панков, который погиб на войне... Он был чуть ли не студентом, оставил, наверное, всего пятнадцать-двадцать картин... Все их растащили, распродали. Это человек, которым может гордиться ненецкий народ, да и вообще это явление нашей культуры, потому что мир, созданный на его картинах, — такой безыскусный мир ненцев, охотников, оленей, зверей. Это так непосредственно, так дивно, это так по-детски чисто. Это такая сказка, это какой-то рай! Обетованная земля, расцветшая в тундре. Вот это явлено художником Панковым, на мой взгляд, очень значительно, очень ярко. Я не знаю, «Правда Севера» писала о нем? Не знаю, почему не писала. Это надо пропагандировать, этим надо гордиться. Это красиво очень.

— Как вы относитесь к творчеству Андрея Вознесенского?

— Очень хорошо! Я считаю, что это сегодня один из ведущих, если не ведущий поэт не только у нас в стране, хотя, казалось бы, по манере письма, по духу мы с ним — полная противоположность. Он, так сказать, ярко выраженный модернист, а я, если хотите, традиционалист, хотя не думаю, что я традиционалист. Но тем не менее мы с ним даже дружим. У него много прекрасных стихов... Конечно, к нему нужно привыкнуть. К Маяковскому в свое время мы с трудом привыкали, а к Вознесенскому... Вознесенский — это сложный поэт. Не все, я не все принимаю. Есть трюкачество, есть экспериментаторство, но какие есть стихи! Есть великолепные стихи: невероятная сложность, метафоричность, невероятная свежесть и необычность образной системы!

— Какова судьба новой рукописи Ксении Петровны Гемп «Памятные встречи»?

— Нет, она будет называться сейчас не «Памятные встречи». Она называется «Сказ о Беломорье», Ксения

Петровна Гемп живет в Архангельске, это человек, который достоин, чтобы к ней просто ходили на поклон, паломничества совершались. Это человек невероятный, это живая история вообще всего Севера. Она с девяностых годов, ей восемьдесят семь лет, она все помнит. Потом, она разносторонний крайне человек. Она — учений-биолог, она — гидролог, она — историк. Сегодня, я не сомневаюсь, вероятно, лучший историк Архангельска. Да, она — бестужевка. Живая бестужевка! Это невероятно сегодня, а она вот тут под боком живет. И, наконец, она человек обостренного чувства слова... Понимаете ли, она непоседа, и в жизни она не так много написала. Но она сломала ногу года полтора назад и накрепко приросла к своей маленькой невзрачной комнатенке. Вот так родилась книга о Беломорье, о встречах с Беломорьем, которое она знает с детских лет. Это книга удивительная, книга невероятно свежая, написанная молодо. Это целая энциклопедия, так сказать, беломорской культуры. О чем она только там не пишет! Сегодня — это единственный человек, который мог так написать. Я очень хотел, чтобы эта книга увидела свет, и, разумеется, со своей стороны почту, сочту за счастье сделать все, чтобы это случилось. И я это делаю. А вообще перед Ксенией Петровной я преклоняюсь. Я радуюсь, что такой живет человек в Архангельске и вообще на свете.

— Дмитрий Сергеевич Лихачев в своих «Заметках о русском» пишет: «Отношение человека к прошлому формирует его национальное самосознание». Как вы относитесь к тому, что в Архангельске до сих пор нет музея Писахова, улицы Писахова, к тому, что из городского ландшафта исчезают кусочки прошлой материальной культуры, деревянные дома с неповторимой северной архитектурой?

— Ну, я на этот вопрос считаю, что ответил. Только я добавлю, добавлю. Понимаете ли, весь Архангельск, деревянный Архангельск со всем, что было, сохранить, конечно, нельзя. Это совершенно невозможно хотя бы потому, что... Ну-ка, в деревянный дом барачного типа кого из вас поселишь? Кто поедет? Это сложная проблема. Но это не отменяет вопрос о том, что дух старины, дух Архангельска, его многовековая славная история, его культурные традиции самого разного плана — они должны быть сохранены.

— Федор Александрович, как вы относитесь к идее

создания литературного музея в городе Архангельске к 400-летию со дня его основания? Чем бы вы смогли помочь его организаторам? Очень нужна ваша помощь и поддержка.

— Ну, во-первых, на эту тему со мной никто не говорил. И я должен ответить: идея эта серьезная, с бухты-бахромы в этом выступлении решать ее — это легко-мысленно, это несерьезно. Об этом нужно думать и думать. Конечно, общее желание у каждого из нас есть, чтобы литература Севера была достойным образом отражена. Не забывайте, что на Севере, на Печоре (я в этом году ездил специально на Печору, в Пустозерск, в тот городок, где был сожжен великий протопоп Аввакум) помимо всего прочего написано одно из самых поразительных произведений не только русской литературы, но и мировой литературы — это «Житие протопопа Аввакума»! Вообще оснований для создания музея, литературного музея, мне кажется, более чем достаточно. Богатая, великая фольклорная традиция. Вот целый зал — Север, заповедный край русского эпоса, русской сказки. Вот протопоп Аввакум. Не надо бояться и не надо цепляться, что это был протопоп и поп, служитель культа. Это, понимаете ли, был человек, который метал хулу на царский дом и которого сожгли при самом тишине царе Романове Федоре Алексеевиче. Протопоп Аввакум — явление удивительное... Вообще в литературе много имен. Я ведь не назвал Алексея Чапыгина. Великолепный русский прозаик! Клюев... Последняя песнь старообрядчества в нашей культуре, в нашей поэзии. Он раскольник был. Но, вместе с тем, это поэт, который достаточно пошатался по царским тюрьмам, по застенкам еще до революции. Поэт, который один из первых воспел Октябрь, Ленина. Ну, по-своему, конечно, воспел. Не надо забывать, что писатель потому и интересен, что он всегда наособицу, что он всегда «по-своему с ума сходит», что он всегда ненормальный с точки зрения так называемого нормального человека или нормальный с точки зрения ненормальных людей. Как вам угодно. Так что материал есть, но это вопрос сложный, вопрос государственный, и он нуждается в серьезном обсуждении, в серьезном обговорении, и тут все надо взвесить... А что касается меня, то, господь мой, если это еще одна акция, ведущая к прославлению нашей прекрасной северной земли, если это в какой-либо мере зависит от меня, то я обеими руками «за».

— Федор Александрович, как и почему возникла статья в «Советской России» о Писахове, Кривополеновой и других? Какой резонанс имела статья, результат?

— Это, вероятно, речь идет о моей статье о Писахове, посвященной столетию со дня его рождения, которая была в свое время напечатана в «Советской России». Как возникла статья? Я знал, что надвигается большая дата в культурной жизни страны и, в частности, в культурной жизни моего Севера. Хотя я живу с тридцать восьмого года в Ленинграде, мокну в болотах, невских болотах, но я всегда ощущаю себя северянином, уроженцем Севера, и все мои заботы и прежде всего раздумья — всегда о Севере, всегда связаны с Севером. Ну и когда мне сказали: «Федор Александрович! Что вы по этому поводу думаете?», я говорю: «Как, что я думаю? Надо непременно, обязательно печатать статью». Но статьи нету, а это было за каких-нибудь два-три дня. Ну, я в спешном, пожарном порядке, буквально день и ночь, а я работаю очень тихо, медленно, я тугодум, мне труднодается слово, я эту статью сочинил. Мне кажется, что статья, хотя и написана в таком пожарном порядке, серьезная, и она, не примите это за хвастовство, в общем воздает должное Писахову. Я надеялся, конечно, что будет отмечен юбилей Писахова на родине, в частности в Архангельске. Но, к сожалению, этого не случилось. Это очень прискорбно...

Можем ли мы выбросить за борт поэзии, культуры сказания Сени Малины — это чудо словесности, автором которого является Писахов? Это неизвестно, это не по расчету. В тех же самых сказках Сени Малины он восславил революцию, восславил большевиков, восславил тех, кто поднялся на борьбу за новую жизнь, и восславил прекрасно, восславил естественно, хорошим, добрым, полноценным словом. Мне кажется, все это нам нужно помнить, и вообще в вопросах культуры мы должны здраво думать и судить. Короче говоря, Писахова не отлучить от русской культуры. Писахов — это яркое явление нашей национальной и северной культуры. Писахов — это возрождение на новом этапе, костер, который вспыхнул до неба, так называемой скоморошеской культуры. На Руси раньше первые артисты — это скоморохи, веселые люди. Со словом они обращались — вертели и так и этак, жонглеры были. И вот Писахов:

Писахов, конечно же, один из великих наших словоиздателей, которым Север вправе гордиться и должен гордиться!

— Кто, по вашему мнению, сейчас наиболее интересные писатели — советские и зарубежные?

— Ну, вероятно, вы все знаете примерно наших наиболее видных сегодня писателей. Я тоже тут никакой Америки не открою. Ваши писатели — мои писатели. Василий Белов — удивительный, несравненный Василий Белов, который живет в Вологде. Владимир Солоухин, хотя он писатель не всегда устойчивый, но разносторонний, очень интересный. Сергей Залыгин, Астафьев, Распутин. Увы, в расцвете своего таланта скончавшийся Шукшин. Можно только оплакивать потерю Юрия Трифонова, который был моим другом. Ну, кто еще? Прекрасные писатели Евгений Носов, Можаев, Быков, Бондарев. Да, много писателей. Я думаю, что сегодняшняя наша литература, особенно проза и так называемая деревенская проза, которая во многом определяет лицо современной литературы, — она из самых мощных литератур сегодняшних.

Ну, а что касается зарубежных имен, то пришлось бы долго говорить. Я не буду перечислять. Я только сказал бы так, и, вероятно, это прозвучит как ересь. Я должен сказать, что сегодня особенно крупных имен на Западе нет. Может быть, исключая Латинскую Америку. Все — и у нас и на Западе — превозносят Маркеса («Сто лет одиночества», «Осень патриарха»). Что касается моего отношения, то у меня отношение к этому писателю спокойное. Спокойное, хотя, конечно, это явление, хотя, конечно, человек он талантливый. Хочу только сказать, что сегодня, пожалуй, два литературных центра, два литературных материка. Это, с одной стороны, — не будем прибедняться — советская литература... Да, я не упомянул здесь еще Чингиза Айтматова. Или совершенно великолепные писатели в Грузии, скажем, Отар Чиладзе; армянин Матевосян. Кто там еще? Молдаванин Ион Друцэ... Я только хочу сказать, что есть два центра. С одной стороны, не будем скромничать, советская литература, — несмотря на все трудности, с которыми она встречается, она, действительно, очень большая литература. Она во многом определяет, если хотите, духовный климат современности не только у нас. И литература Латинской Америки. Это тоже понятно, потому что эти народы прошли очень страшную исто-

рию, накопили много взрывчатого материала. И, конечно, он должен когда-то найти выход в искусстве.

— Расскажите о прототипах «Безотцовщины», «Дома». Где Пекашин? О письме землякам «Чем живем-кормимся».

— Ну, Пекашина как такового на географической карте не существует. Это вымышленное село. Но многие литератороведы, критики и мои земляки в нем видят Верколу. Конечно, веркольские впечатления, веркольская география в прядлином цикле отразились. Но сказать, что Пекашино — Веркола, это, конечно, ни в какие ворота!

О прототипах. Это вопрос очень большой. Если вы приедете в Верколу, в мою родную деревню, — там, на Пинеге, там вам на этот вопрос абсолютно всё расскажут, кто с кого списан. А вот я лично, который писал, я на этот вопрос затрудняюсь ответить...

О письме землякам... Если уж на то пошло, то наш Пинежский район почти по всем показателям — первый район области. Но мы пораскинули умишками с первым секретарем. Я говорю «умишко» — это у меня, у него — ум. Пораскинули умами и решили, что неплохо бы, действительно, чего-то такое сделать, чтобы у нас дела еще лучше шли. Вот так возникло это письмо — письмо, которое сейчас перепечатано во многих изданиях. Оно печатается и в собрании моих сочинений. Письмо, в общем-то, нормальное, естественное. Это, так сказать, одно из необходимых дел, которым должен заниматься писатель-гражданин.

1981